

Для цитирования: Дятел Е. П. Обоснование диалектики экономического развития в «Капитале» Карла Маркса // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 3. — С. 711-724

doi 10.17059/2018-3-3

УДК 330.101

JEL: B14, B15, B24, B41, D 46

Е. П. Дятел^{а, б)}

^{а)} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: e.p.diatel@urfu.ru)

^{б)} Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

ОБОСНОВАНИЕ ДИАЛЕКТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В «КАПИТАЛЕ» КАРЛА МАРКСА¹

*В статье рассматривается логико-теоретическая структура «Капитала» К. Маркса. Показано, что в работе «Теории прибавочной стоимости» прослеживается восхождение от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли. Это дало возможность определить товар как исходный пункт политической экономии капиталистического способа производства. Но отсюда нет прямого пути к экономической теории Маркса, предметом которой являются не продукты трудовой деятельности человека, а возникающие в ней материальные производственные отношения. При их исследовании Маркс использует «силу абстракции», позволяющую отделить «экономическую материю» от «естественно осязаемой» материальной основы — потребительной стоимости, конкретного труда и др. Построение целостной системы экономических категорий осуществляется на основе синтеза открытых Аристотелем естественноисторических явлений мышления, гегелевского понимания целесообразной (практической) деятельности людей, специфики целей общественного производства, реализующихся в отношениях собственности. К. Маркс вводит в контент научного знания понятие экономического прогресса как смены общественных формаций. Рассмотрено значение различных моделей разделения труда для определения субстанции стоимости. В модели А. Смита это происходит апостериори, после рыночной оценки произведенных продуктов или услуг. Единицей измерения становится не само по себе рабочее время, а экономическая информация об эффективности его использования, то есть деньги. В модели К. Маркса — априори, в виде затраты рабочей силы в физиологическом смысле. Отмечается, что при наличии свободы выбора затраченный труд получает маржинальную оценку в форме альтернативных издержек (упущенной выгоды). Определено значение «абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления» в качестве *causa finalis*, обуславливающей стоимость товара «рабочая сила», переменный капитал, прибавочную стоимость. Указывается, что развертывание диалектики предмета и объекта экономического исследования оставляет возможность использования метода рациональной эклектики при условии последующего диалектико-материалистического осмысления соответствующего материала.*

Ключевые слова: Карл Маркс, материальные производственные отношения, общественные цели производства, предмет и объект экономического исследования, экономический прогресс, теоретико-методологическое мышление

Введение

«Капитал» — это главное произведение К. Маркса. Однако его невозможно рассматривать в отрыве от всей подготовительной работы, способствовавшей созданию этого произведения. Поэтому при анализе «Капитала» следует использовать все опубликованные при жизни К. Маркса работы, а также многочисленные рукописи, предваряющие или развивающие идеи «Капитала». Возникают вопросы: написаны эти тысячи страниц по единому плану

или присутствовал случай — гениальные озарения, а также были ли тупиковые результаты поисков? Ответ может дать исследование диалектики экономического развития, представленной в «Капитале», который рассматривается в данном случае как совокупность опубликованных и рукописных работ К. Маркса.

Диалектика исходных понятий «Капитала»

При раскрытии положений «Капитала» К. Маркс применял метод материалистической диалектики. Диалектика — это искусство ведения спора и особый метод мышления. Появившись в «Диалогах» Платона, он

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2018.

<i>Родовой признак</i>	<i>Материальное содержание</i>	<i>Форма</i>	<i>Единство формы и содержания</i>
<i>Полезность вообще</i>	<i>Потребительная стоимость</i>	<i>Меновая стоимость</i>	<i>Общественная потребительная стоимость (товар)</i>

Рис. 1. Исходные понятия товарной формы хозяйства в «Капитале» К. Маркса [1, с. 43–49]

позволил упорядочить процесс рассуждений путем рассмотрения одного и того же предмета с различных сторон. Существенный шаг вперед был сделан Аристотелем, установившим диалектическое соотношение между материей как первоосновой всех явлений и формой, которая уходя в основание, структурирует материю.

Единство мира как совокупности материального основания и сменяющих друг друга форм отразилось в понятийном аппарате и логике человеческого познания. Если соответствующую цепочку логических умозаключений (верхняя строка на рис. 1) наложить на первый параграф первой главы первого тома «Капитала», то получим последовательность исходных экономических категорий товарной формы хозяйства, рассматриваемых К. Марксом (рис. 1, нижняя строка).

Исходные понятия «Капитала» (1867) не были выбраны произвольно. Им предшествует характеристика буржуазного богатства (объекта классической политэкономии) как «огромного скопления товаров», выделяется «отдельный товар — как элементарная форма этого богатства» [1, с. 43]. Фактически первый том «Капитала» являлся и продолжением, и расширенным изложением тех мыслей, которые были представлены в работе «К критике политической экономии» (1859).

На основании контекста анализируемого произведения можно предположить, что в поиске отправного пункта исследования К. Маркс ориентировался на данные чувственного и в целом обыденного восприятия. Так, в работе «К критике политической экономии» он пишет: «На первый взгляд (здесь и далее курсив наш — Е. Д.) буржуазное богатство выглядит как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие... Товар есть прежде всего, по выражению английских экономистов, „какая-либо вещь, необходимая, полезная или приятная для жизни”» [2, с. 13]. В приведенных словах зафиксирован путь от конкретного к абстрактному, позволяющий найти, во-первых, родовое представление-понятие об объекте исследования, во-вторых, определение объема данного понятия, в-третьих, выделение элемента объема, в-четвертых, родовой признак товара как полезности вообще.

Выявление исходного пункта политической экономии заняло у К. Маркса десятилетия неустанного труда и потребовало критического переосмысления методологических принципов и категорий, выработанных наукой Нового времени и нашедших выражение в классической немецкой философии, в первую очередь в трудах Г. В. Ф. Гегеля, и экономических произведений А. Смита, Д. Рикардо и других авторов. Сохранились и опубликованы свидетельства поступательного движения мысли и углубления в предмет исследования — объемистые «Экономические рукописи» К. Маркса. Особое место среди них занимает «Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов)», датированное концом августа 1857 г. Его анализ позволяет проникнуть в творческую лабораторию автора, показать диалектику предмета и метода классической политической экономии.

«Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов)» К. Маркс начинает с определения: «Предмет исследования — это прежде всего материальное производство. Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов, таков, естественно, исходный пункт» [3, с. 17].

В выборе индивида как отправного пункта исследования К. Маркс не был первым, у него были предшественники. Логическая цепочка такого обоснования прослежена Т. Гоббсом, для которого общество представляло организованную совокупность людей («государство»), а его элементарной клеточкой был индивид [4]. Но, прежде чем идти дальше, К. Маркс вступает в полемику с представлениями о «единичном и обособленном охотнике и рыболове, с которых начинают Смит и Рикардо» [3, с. 17]. Из этой полемики в конечном итоге выросли «Формы, предшествующие капиталистическому производству» [3, с. 461–508]. Обращение к данному разделу «Экономических рукописей 1857–1859 годов» могло бы составить самостоятельный предмет изучения. Однако в данном месте нас интересуют другие аспекты творческого наследия К. Маркса.

Предмет и метод политической экономии

Третий параграф «Введения» — «3. Метод политической экономии», начинается с крити-

ческой оценки пути познания «от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям» [3, с. 37]. «Очевидно, правильный в научном отношении» обратный путь — восхождения от абстрактного к конкретному: «...От простейшего — труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. п. — к государству, международному обмену и мировому рынку» [3, с. 37].

Похожая характеристика индуктивного метода как определенной систематизации эмпирических наблюдений, не позволяющей получить принципиально новые научные результаты, встречается в работах современных методологов¹. В целом мы склонны с нею согласиться. Однако такая трактовка способна обеднить понимание восхождения от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли, к которому К. Маркс пришел в дальнейшем. Попробуем определить поворотный пункт этого понимания.

В русскоязычной (советской и постсоветской) учебной и научной литературе принято говорить об «Истории экономических учений». Предпосылкой построения учебного курса выступало деление экономических учений на прогрессивные и реакционные, правильные и неправильные — по сравнению с достигнутой вершиной, за которую долгое время принималась экономическая теория марксизма. В англоязычной литературе стараниями М. Блауга введено понятие «ретроспективы» экономической мысли (в оригинале: *Economic theory in retrospect*) [6]. Учебник Блауга ставит своей целью анализ ключевых этапов вызревания категориального аппарата экономической теории. Автор не избегает оценочных суждений, но стремится к тому, чтобы они имели взвешенный характер². Структура российских учебников и книги М. Блауга похожа (см. [7]). Она может быть охарактеризована через восхождение от простого к сложному (от абстрактного

к конкретному)³. В случае с «Теориями прибавочной стоимости» К. Маркса, где наиболее полно излагается его видение истории экономической мысли, необходимо сделать ряд методологических замечаний.

Для начала обратимся к гегелевскому принципу совпадения логического и исторического, утверждающему, что «то, что является первым в науке, должно было явить себя первым также и исторически» [8, с. 69]. Материалистическую интерпретацию данное положение получает в словах К. Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» [3, с. 42].

Конечно, если речь идет об анатомии, то зачатки прямохождения и связанных с ним изменений в физиологии и психике могут быть прослежены вплоть до обезьяноподобных предков человека. Это помогает объяснить возникновение специфически человеческой способности к трудовой деятельности и возникновение производства как «косвенного образа человеческой жизнедеятельности» [9, с. 19]. Но отсюда нет прямого пути к экономической теории К. Маркса, продолжающей научную традицию классической политической экономии, предметом которой является не сама по себе целесообразная трудовая деятельность человека, а возникающие в процессе разделения труда производственные отношения. Именно их К. Маркс рассматривает как специфическую экономическую материю, реальный базис общества [2, с. 6–7].

В этом пункте материализм К. Маркса расходится с трактовкой «материи» как сугубо гносеологической категории с последующим ее онтологическим наполнением в процессе формообразования (структурирования) материального содержания. Так, если материю отождествлять с ее чувственно воспринимаемыми свойствами, она подпадает под известное определение — «данной нам в ощущениях» — объективной реальности. Но материальные производственные отношения нельзя ни увидеть, ни пощупать: «...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [1, с. 6].

¹ «На определенном этапе рассуждения индуктивный переход от частных случаев к универсальному закону требует нелогичного мыслительного скачка, дополнительного элемента, вполне способного привести нас от верных предпосылок к ложным выводам. ... Это и есть знаменитая проблема индукции» [4, с. 57].

² Оценивая марксизм, М. Блауг пишет: «XX столетие стало свидетелем энергичного бунта, направленного против грандиозных философских систем, таких как марксизм ... Чтобы ни думали о конечной обоснованности (validity) марксизма, надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма» [6, с. 207].

³ «Читателям я должен со всей настойчивостью заявить, что система аргументов выстраивается постепенно и что в последующих главах не требуют доказательства положения, обоснованные в главах предшествующих» [6, с. XXXI].

Для того чтобы отслоить экономическую материю от лежащих в ее основе материальных производительных сил, необходимо встать на точку зрения «специфической логики специфического предмета» [10, с. 325], имеющего несводимые к взаимодействию эмпирически воспринимаемых формы и материи особенности развития. В философско-методологическом плане это предполагает обращение к категории практики как единства объективного и субъективного, а в более широком смысле к проблеме телеологии, все более углубляющееся осмысление которой пролегалось от Аристотеля до Гегеля, с его трактовкой ключевой роли целесообразной трудовой деятельности. Этот тезис был переработан К. Марксом и Ф. Энгельсом в материалистическое понимание истории¹, к которому и следует обратиться.

Индивидуальные цели рождаются в умах людей и могут быть реализованы при помощи орудий труда. Но существуют общественные цели производства. В классическом примере о строителях каждый из них отвечает на вопрос прохожего о результатах своего труда: каменщик кладет стены, плотник настилает полы, вместе они строят дом, все участники процесса зарабатывают на жизнь. Прежде чем будут достигнуты результаты индивидуальной и коллективной деятельности, общественные цели производства должны воплотиться в системе материальных производственных отношений — разделении и кооперации труда, а также правомочиях собственности. Чтобы это случилось, недостаточно направленной на трансформацию материальных объектов индивидуальной трудовой деятельности. Как отмечал А. Смит, к числу специфических особенностей человека относятся не только способность к труду, но и склонность к обмену, без которой разделение и кооперация труда не могут быть реализованы².

В обмене выявляется общественный характер труда и вознаграждается деятельность экономических агентов. Отсюда перед исследова-

¹ См. замечание В. И. Ленина на полях Конспекта «Науки логики» Гегеля: «Исторический материализм как одно из применений и развития гениальных идей — зерен, в зародыше имеющих у Гегеля» [11, с. 172].

² «Глава II. О причине, вызывающей разделение труда. Разделение труда, приводящее к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой» [12, с. 7–8].

телем встает задача, выявить природу материальных производственных отношений, воплощенных, например, в меновой стоимости товара. Полемизируя с А. Смитом, К. Маркс пишет: «Однако материализацию и т. д. труда не следует понимать так по-шотландски, как ее понимает А. Смит. Если мы говорим о товаре как о материализованном выражении труда — в смысле меновой стоимости товара, — то речь идет только о воображаемом, т. е. исключительно социальном способе существования товара, не имеющем ничего общего с его телесной реальностью...» [13, с. 154]. Другой вопрос, что «товар представляется как определенное количество общественного труда или денег» [13].

В «Теориях прибавочной стоимости»³ К. Маркс повторил путь от конкретного к абстрактному своих научных предшественников. Он рассмотрел, как от нерасчлененного представления об общественном устройстве у Т. Гоббса и Дж. Локка вычленилась экономическая материя: вначале в вещной форме — денег и товарного богатства (меркантилисты), затем определения труда как субстанции стоимости (А. Смит), и, наконец, бытия стоимости как «относительных» затрат труда на производство товара (Д. Рикардо) [14, с. 48–69].

Прослеженное К. Марксом восхождение от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли оказалось обратным по структуре выявленному Гегелем развитию философского мышления. Это понятно, реальный процесс развития должен отразиться в накоплении научных данных таким образом, чтобы его ключевые этапы были зафиксированы сначала исторически, а затем логически в рамках сформировавшейся категориальной системы. Как писал Гегель, «наука в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также последним, а последнее — также первым» [15, с. 128]. Теперь становится возможным построение целостной системы экономических понятий на основе восхождения от абстрактного к конкретному: во-первых, товарной формы хозяйства, во-вторых, капиталистического способа производства.

На рисунке 2 зафиксирована последовательность рассмотрения экономических категорий во всех четырех параграфах первой

³ Написаны Марксом в период от января 1862 до июля 1863 года. Аутентичное русское издание осуществлено в 1954–1961 гг. В Германской Демократической Республике подготовлено и выпущено аналогичное русскому издание «Теорий прибавочной стоимости» на языке оригинала (Берлин, 1956–1962) [13, с. XXVI].

<i>Полезность вообще</i>	<i>Потребительная стоимость</i>	<i>Меновая стоимость</i>	<i>Общественная потребительная стоимость (товар)</i>
			<i>Овеществленный труд</i>
<i>Труд вообще</i>	<i>Конкретный труд</i>	<i>Абстрактный труд (общественный характер труда)</i>	<i>Общественно необходимый (частный) труд</i>
<i>Простой средний труд</i>			
<i>Простая, или случайная форма стоимости</i>	<i>Полная форма стоимости</i>	<i>Всеобщая форма стоимости</i>	<i>Денежная форма</i>
			<i>Товарный фетишизм</i>
<i>Планомерная форма хозяйства</i>	<i>Натуральная форма хозяйства</i>	<i>Товарная форма хозяйства</i>	<i>«Объективные мыслительные формы», характерные для данной социально-экономической формации</i>

Рис. 2. Система экономических категорий «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу [16, с. 320])

главы первого тома «Капитала». По горизонтали отображена аристотелевская диалектика понятий. По вертикали находит выражение гегелевская структура процесса познания через категории: бытие — сущность — явление — действительность. Переход от одного уровня к другому опосредуют конструкты, выражающие единство: бытия и сущности (овеществленный труд), сущности и явления (простой средний труд), явления и действительности (товарный фетишизм).

Нами была предпринята попытка формализовать в виде структурно-логических схем весь 1 том «Капитала» [14]. При этом возникли вопросы, относящиеся к обоснованию таких экономических категорий, как стоимость, товар рабочая сила, прибавочная стоимость, процесс воспроизводства капитала.

Обоснование базовых понятий: стоимость и товар рабочая сила

С момента выхода в свет первого тома «Капитала» шла острая дискуссия об обоснованности его важнейших понятий. Например, указывалось, что никакая «сила абстракции» не позволяет отвлечься от того факта, что «земля» (природа) является таким же источником товара, как и труд. Это верно, если исходить из понимания абстракции как выявления общего, которое есть в любом товаре: природной «материи» и его общественной формы. И неверно, если делать заключение о необоснованности, порочном круге в выведении стоимости в «Капитале» К. Маркса, где «стоимость» — экономическая материя, в которой зафиксированы общественные цели производства.

Здесь уместно вернуться к процессам и формам целеполагания в человеческой жизнедеятельности.

Цели, присутствующие в живой природе, представляются как внешняя необходимость,

которой должен следовать индивид. По Гегелю: «Бессмертная заслуга Аристотеля, которая должна наполнять нас величайшим чувством восхищения силой этого ума, состоит в том, что он первый предпринял» естественноисторическое описание явлений мышления [15, с. 30]. О структуре логических умозаключений Аристотеля, отражающих развитие (формообразование) реальной действительности, и об их использовании в «Капитале» К. Маркса, мы уже говорили.

Превращаясь в субъекта практики, человек воплощает свои цели в орудиях и средствах труда: «...Средство выше, чем конечные цели внешней целесообразности; плуг нечто более достойное, нежели непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целями. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные выгоды преходящи и забываются. Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей» [17, с. 200]. Средства и продукты труда выступают чувственно воспринимаемыми носителями общественных целей производства. Например, стоимость как материальное производственное отношение может быть выражена в созданном продукте. Встает вопрос о ее количественном измерении: будут ли это тонны, метры, киловатт-часы ...или нужен какой-то иной, всеобщий эквивалент? Решению последней задачи К. Маркс посвящает работу «К критике политической экономии», приходя к выводам, которые затем воспроизводятся в первой главе первого тома «Капитала».

Следуя за К. Марксом, нельзя не восхищаться мощью интеллекта и его титаническим трудом, но нельзя не понимать и того, что вершина развития «буржуазной экономии», которая «дает ключ к античной и т. д.», сегодня качественно изменилась, так же как изменился

уровень ее категориального осмысления и, в целом, методологии научного исследования. В своих комментариях мы попытаемся учесть эти изменения.

«Естественно осязаемое существование» товара К. Маркс отождествляет с потребительной стоимостью, которая, «находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией. К области последней потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы. Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, меновая стоимость» [2, с. 14]. Соответственно, своим естественным особенностям различные потребительные стоимости имеют различные меры: например, шэффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.

С позиций современной (маржинальной) экономической науки полезный предмет становится экономическим благом (товаром), если его объемы недостаточны для полного удовлетворения наших потребностей. Экономическим ресурсом для создания дополнительных количеств такого блага является труд [18, с. 16–18]. В этом мы не видим существенного расхождения с высказываниями К. Маркса. Но далее он пишет: «Потребительные стоимости суть непосредственно жизненные средства» [2, с. 15]¹. Строго говоря, это не так: «непосредственными жизненными средствами» являются всеобщие условия человеческого существования — воздух, вода, солнечный свет и другие свободные блага, которые находятся в количествах, превышающих наши потребности. Они обладают полезностью, однако не имеют потребительной стоимости, так как нет необходимости их измерять в тоннах, метрах, киловатт-часах. Иными словами, они не превращаются в товар, не становятся материальным носителем его экономических свойств.

С учетом этой поправки дадим оценку дальнейшим рассуждениям автора «Капитала»: «Но в свою очередь сами эти жизненные средства суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — овеществленный труд. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер

¹ «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.» [1, с. 49].

этого единства, т. е. труда, который представлен в меновой стоимости» [1, с. 15].

В схеме на рисунке 2 в качестве логической связки между бытием и сущностью присутствует понятие «овеществленный труд», которое, по нашему мнению, имеет все признаки конструкта, то есть искусственно сконструированного термина². Поэтому если под «материализацией общественного труда» понимать «исключительно социальный способ существования товара, не имеющий ничего общего с его телесной реальностью», то для обособления трансформационной (преобразующей) функции целесообразной человеческой деятельности необходимо постулировать двойственный характер труда, воплощенного в товаре: его разделение на конкретный и абстрактный труд.

Конкретный труд создает потребительную стоимость товара. Абстрактный труд представляет рабочее время, затраченное на производство товара, и экономическую форму конкретного труда. В первом случае мы имеем дело с общенаучной абстракцией, то есть оценкой продолжительности труда в астрономических единицах («Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д.» [2, с. 16]), во-втором — это экономическое время. Категорически утверждать, что оно не имеет «ничего общего с телесной» (физической) реальностью, нельзя. В микроэкономике краткосрочный период определяется временем, в течение которого хотя бы один фактор производства остается неизменным. При производстве пшеницы в умеренных широтах этот фактор совпадает с календарным сезоном (годом). И с какой бы скоростью не происходило воспроизводство двух других, гораздо более эластичных, факторов — труда и капитала, естественные временные ограничения остаются в силе. Но если принять наличие предельных условий,

² «Конструкт — понятие, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жестко установленными границами и правильно выраженное в определенном языке, не предполагающее обязательного установления его онтологического статуса, то есть не требующее указания на конкретный денотат. Как правило, К. оформляются в зоне перехода от эмпирического знания к концептуальному и обратно и выполняют функции перевода между эмпирическими и теоретическими языками и логиками. По сути они заполняют обнаруженные и не прописываемые пустоты в структуре знания и не имеют самостоятельного значения вне знания, в котором они сконструированы» (<https://dic.academic.ru> (дата обращения 28.05.2018)).

формирующих экономические затраты рабочего времени, то можно получить мерку в виде продукта «самого простого труда». Им может оказаться, например, россыпное золото¹, в потребительной стоимости которого материализован всеобщий эквивалент.

На этом фоне продолжается поиск единицы измерения живого труда². Если Д. Рикардо говорит об «относительном» количестве труда, которое определяет относительную стоимость товаров [19, с. 40], то К. Маркс вводит понятие общественно необходимого труда, который количественно может быть сведен к затратам простого среднего труда. Последний «различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе» [2, с. 17].

В марксизме становление и развитие экономической жизни общества связывается с определяющей ролью труда и материального производства: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [2, с. 6]. Это соответствие опосредовано естественно выросшими или исторически возникшими предпосылками.

Естественно выросшая «Община [*Gemeinwesen*], являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, она обуславливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма» [2, с. 20]. Исторически обусловленное возникновение частной собственности обособляет производителя и порождает товарную форму хозяйства: «Труд, который пред-

ставлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности» [2, с. 20]. Это позволяет перейти от «субстанции стоимости», как затраты живого труда в форме общественной рабочей силы³, к товарной стоимости в форме овеществленного труда.

Сведение различных видов труда к лишенному различий, однородному, простому труду позволяет соизмерять не только «рабочее время прядильщика и рабочее время ткача», но и любое другое рабочее время, требуемое для создания «непосредственных жизненных средств», в том числе для прядильщика и ткача. Изменение производительности труда за счет применения более эффективных средств производства ведет к уменьшению затрат этого рабочего времени, а весь избыток достается капиталисту в виде прибавочной стоимости. Как видим, основное производственное отношение — присвоение прибавочной стоимости, предопределяется исходным — капиталистической частной собственностью, априори фиксирующим общественные цели производства⁴.

К проблеме формирования естественно выросших и исторически возникших предпосылок, то есть институтов собственности, определяющих функционирование и развитие материальных производительных сил⁵, К. Маркс возвращается неоднократно. Окончательного решения, по нашему мнению, найдено не было, о чем свидетельствуют продолжающиеся в марксистской экономической литературе дискуссии о природе отношений собственности — об их принадлежности к базису как к основному производственному отношению, или к надстройке как юридической форме выра-

¹ «Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности, которую представляет получение их в виде чистого металла. Золото было в сущности первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа представляет его в самородной кристаллической форме, обособленным, химически не соединенным с другими веществами, или, как говорили алхимики, в девственном состоянии; с другой стороны, сама природа берет на себя большую технологическую работу, промывая золото в реках. Таким образом, от человека требуется только самый простой труд как для добывания золота из рек...» [2, с. 137–138].

² «Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия» [2, с. 16].

³ «Стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в другой форме, во всех других исторических общественных формах, а именно общественный характер труда, поскольку последний существует как затрата общественной рабочей силы» [20, с. 391].

⁴ «Капитал — это господствующая над всем экономической силой буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт и его следует анализировать до земельной собственности. После того как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение» [3, с. 44].

⁵ «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» [1, с. 7].

жения всей совокупности производственных отношений.

Здесь нам придется вернуться к принципиальному расхождению во взглядах А. Смита и К. Маркса. Ранее отмечалось, что по А. Смиту причиной, вызывающей разделение труда, является определенная склонность человеческой природы, а именно, «склонность к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой» [12, с. 7–8]. В экономической теории марксизма разделение труда формируется самим процессом материального производства: «...Разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаро-производителей» [1, с. 116]. «Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства [1, с. 364].

Если согласиться с точкой зрения А. Смита: ключевую роль в возникновении разделения труда сыграла склонность к «обмену одного предмета на другой», — то «субстанция стоимости» определяется апостериори, после рыночной оценки произведенных продуктов или услуг. Единицей измерения живого труда становится не само по себе рабочее время, а экономическая информация об эффективности его использования. А поскольку информационным сигналом, на который ориентируются производители и потребители, является цена, то непосредственным материальным носителем экономической информации будут деньги, в которых находит свое выражение общественный характер воплощенного в товаре труда.

Различие этих двух подходов имеет значение для последующего развертывания всей системы категорий как экономической теории марксизма, так и возникшей на базе классической политэкономии неоклассики.

Положительным в марксизме является то, что классовый подход позволяет структурировать систему общественных отношений и выявлять тенденции общественного развития. Недостаток его мы видим в технологическом детерминизме, то есть привязке целей общественного развития к прогрессу материальных производительных сил, что приводит к недооценке их обратной связи с распределением и потреблением общественного излишка. Последний отнюдь не равнозначен «прибавочному продукту» марксистского обществоведения, так как суммирует излишки производителя и потребителя, формирующи-

еся под воздействием рыночных сил спроса и предложения.

Но, возвращаясь к модели разделения труда А. Смита¹, приходится констатировать, что привлечение «склонности к обмену» для объяснения категории, формирующей предмет классической политической экономии, противоречит базовым методологическим принципам исторического материализма и, по сложившимся в российском обществоведении меркам, выглядит неоправданной эклектикой.

Диалектика предмета и объекта экономического исследования в «Капитале» К. Маркса (исторический материализм vs рациональная эклектика)

Конец XX в. и начало XXI в. ознаменовались кризисом в развитии экономической теории, заставившим исследователей искать новые методологические подходы, выходящие, пользуясь выражением Т. Куна, за пределы «нормальной науки» [23, с. 27]. Нас в данном случае интересует отношение российских экономистов — исследователей и педагогов, к новой, или рациональной эклектике,² которая «представляет собой равноправное сосуществование различных концепций с четко определенными на основе следования логике предмета границами применимости» [25, с. 102]. Причин для ее появления немало. По мнению Г.Ю. Ивлевой, «эклектика необходима и неизбежна при возникновении неопределенности дальнейшего развития той или иной теории. Эклектика выполняет здесь вспомогательную, неявную, но очень важную функцию — расширяет границы познания предмета в рамках данной концепции, открывает его новые грани и аспекты, выполняет роль вариатора в развитии теории (чем больше вариантов развития, тем вероятнее выбор эффективного пути), способствует развитию рефлексии познающего, повышает

¹ Интерес к ее анализу возродился во второй половине XX в. в связи с поиском инфрамаржинальных решений, в которых отражены структурные особенности экономической реальности [21, 22].

² «В последний период стала набирать силу позиция, исходящая из другого, нежели синтез, понимания взаимосвязи различных методологий. Это — так называемая „новая эклектика“, признающая методологический плюрализм (Б. Колдуэлл, Т. Кун, Э. Остром, Д. Хаусман и др.). Характерной чертой (методом) указанного направления стал конвенционализм, положивший в основу взаимодействия различных научных теорий соглашения (конвенции) между исследователями или научными школами исходя из принципов удобства, простоты и т. п., а также взаимной терпимости» [24, с. 47–48].

научный уровень его исследований» [25, с. 100] (см. также [26]).

Такое восприятие эклектики кардинальным образом расходится с устоявшимися философско-методологическими воззрениями сторонников и последователей экономической теории марксизма. Тем не менее, попробуем сопоставить его с восхождением от абстрактного к конкретному, под которым К. Маркс понимал «тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» [3, с. 37–38].

Выделив экономический базис общества — материальные производственные отношения, К. Маркс встал перед задачей их синтеза с исторически возникшей материальной предпосылкой — производительными силами. Проблема была решена путем введения понятий: способ производства и экономическая общественная формация. Тем самым, наряду с процессами эволюции аристотелевских «материи» и естественно выросших форм мышления, исторического развития производительных сил как результата практической деятельности человека, в контент научного знания вводится понятие экономического прогресса: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [2, с. 7].

Для нас пока осталось невыясненным вещное, чувственно воспринимаемое воплощение субстанции стоимости (общественного характера труда). Ее бытие в виде меновой стоимости делает материальным носителем всеобщую потребительную стоимость, которая сама есть «определенность формы, то есть она следует из специфической роли, которую данный товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе обмена» [2, с. 34]. Если согласиться с данным тезисом, то мы вновь приходим к материализации субстанции стоимости в форме всеобщего эквивалента — денег, что, казалось бы, делает неактуальным исчисление затрат «абстрактного труда» в рабочем времени.

Однако реалии капиталистического развития в конце XVIII — начале XIX вв. не позволяли игнорировать продуктовую («зерновую») стоимость труда наемного работника, обосновываемую в трудах А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо. Последняя выводилась из естественных законов, ограничивающих рост народонаселения наличием необходимых жизненных средств, увеличение которых сти-

мулировало прирост наемных работников в объемах, превышающих потребности производства. К. Маркс интерпретировал данную тенденцию с позиций классового подхода как «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» [1, с. 659]. И хотя на сегодняшний день даже убежденные марксисты не находят эмпирических подтверждений действия этого закона, в системе экономических категорий «Капитала» он остается *causa finalis*, то есть целевой (конечной) причиной, обуславливающей категории: стоимость товара «рабочая сила», переменный капитал, прибавочная стоимость. Для их обоснования К. Маркс предлагает определять абстрактный труд (общественный характер труда) как «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле» [1, с. 55].

Мы квалифицируем данный вывод как гипотезу, которая имеет право на существование постольку, поскольку труд немислим помимо «физиологических» (в широком смысле) усилий индивида. Но при наличии свободы выбора затраченный труд получает маргинальную оценку в форме альтернативных издержек (упущенной выгоды). И, если согласиться с этим достаточно очевидным для современной рыночной экономики фактом, то товар «рабочая сила», потребительная стоимость которого определяется затратами необходимого продукта, а стоимость — затратами необходимого труда, превращается в абстракцию. Чтобы она соответствовала действительности, необходимо предположить «наемное рабство», не позволяющее работнику реализовать свое право на выбор места, условий и вида деятельности.

Судя по публикациям российских последователей экономического учения марксизма, этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении, но в рамках данной статьи перед нами не стоит задача верификации и фальсификации экономической теории марксизма. Для нас на первом месте находится рассмотрение логико-теоретической структуры одного из величайших экономико-теоретических произведений — «Капитала» К. Маркса, и способа усвоения в рамках этой теории чувственно воспринимаемого «конкретного». Среди них особое место занимает диалектика предмета и объекта экономического исследования.

Под объектом мы понимаем частичку реальности, которая может обладать самыми разнообразными свойствами. Предмет — интересующая нас сторона объекта, важная для хозяйственной или любой иной целесообразной деятельности человека. Существует диалектика

объекта и предмета, в процессе которой обе стороны получают свое развитие в соответствии с потребностями практической деятельности. Выделенный К. Марксом предмет — материальные производственные отношения (в случае товара — его меновая стоимость и скрывающийся за нею общественный характер труда), отслаивает от вещно-материального содержания и указывает, что «потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости» [1, с. 44].

Казалось бы, вопрос ясен. Но в «Замечаниях на книгу А. Вагнера „Учебник политической экономии“» К. Маркс уточняет: «Только *vir obscurus*, не понявший ни слова в моем „Капитале“, может заключать: ... потребительная стоимость не играет у него никакой роли» [20, с. 384]. И далее: «...Стоимость одного товара представляется в потребительной стоимости другого, т. е. в натуральной форме другого товара; ... сама прибавочная стоимость выводится из „специфической“ потребительной стоимости рабочей силы, присущей исключительно последней и т. д. и т. д., ... стало быть, у меня потребительная стоимость играет важную роль совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии, но — и это надо заметить — она принимается во внимание всегда лишь там, где такое исследование вытекает из анализа данных экономических образований, а не из умствований по поводу понятий или слов „потребительная стоимость“ и „стоимость“» [20, с. 386]. Здесь, как и в других местах своего гениального исследования, К. Маркс дает высочайший образец диалектико-материалистического мышления. Однако нельзя не понимать, что бесконечное разнообразие свойств объекта («в капле воды можно познать Вселенную») затрудняет выявление взаимодействия между этими свойствами и предметом — важнейшей для практической (в том числе научной) деятельности человека и общества его стороной.

Изучая наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, мы в ряде случаев наталкиваемся на высказывания, в которых не так легко проследить диалектическую взаимосвязь объекта — хозяйственной жизни общества, и предмета

— специфической экономической материи. Ф. Энгельс утверждает: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обмениваются между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта... В понятие экономических отношений включается далее и географическая основа ... а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» [27, с. 174].

К этому высказыванию можно отнести по-разному. Легче всего сослаться на мнение Й. Шумпетера о том, что Ф. Энгельс «по интеллекту не был равен Марксу и, хорошо понимая философию и социологию последнего, не владел методами экономической науки» [28, с. 507]. Но подобная отсылка игнорирует необходимость освоения разнообразного содержания объекта исследования под определенным, «предметным» углом зрения. Именно эту задачу, как нам представляется, ставил перед собой Ф. Энгельс. В аналогичном плане сегодня может быть использован упомянутый выше метод рациональной эклектики, что не отменяет последующего диалектико-материалистического осмысления соответствующего материала.

Заключение

Исследование К. Марксом диалектики экономического развития показывает необходимость целостного подхода к анализу экономической жизни общества. Он основан на системе методологических принципов и теоретических положений, выработанных всей предыдущей философской и экономической наукой. Поучителен опыт изучения К. Марксом истории экономической мысли, который помог найти отправной пункт исследования — товар как элементарную клеточку буржуазного богатства, и определил структуру дальнейшего восхождения от абстрактного к конкретному как способа усвоения и творческого осмысления действительности.

В процессе анализа К. Маркс, используя все богатство известного ему методологического арсенала, переходит от эмпирически обоснованных представлений об экономической жизни общества к четко определенным, в том числе в формально-логическом смысле слова, базовым экономическим понятиям. Ключевую роль играет выявление «специфической логики специфического предмета» — генезиса,

функционирования и развития системы материальных производственных отношений как экономического базиса общества. Среди них выделяется основное производственное отношение, определяющее общественный характер труда, или субстанцию стоимости. На известной стадии развития он принимает форму товарной стоимости, а в условиях капиталистического производства формирует прибавочную стоимость.

Диалектика объекта и предмета экономического исследования отражает новые реалии и вызовы, которые сформировались за почти полтора столетия со дня окончания творческого пути К. Маркса. Может показаться, что неоклассический мейнстрим вытесняет экономическое и философское учение марксизма на обочину научного обществоведения. Автор данной статьи с этим не согласен. Напротив,

требуется интенсивная работа по переосмыслению и синтезу сформированных как в марксизме (и классической политической экономии в целом), так и маржинализме методологических основ экономического исследования и достигнутых теоретических результатов в единое целое. Одним из способов такого синтеза может выступить рациональная эклектика.

Юбилей К. Маркса дает возможность и повод высказать мнение о результатах его титанического труда. Многое из наследия К. Маркса может показаться не соответствующим сегодняшним реалиям. Но его экономические труды представляют замечательную школу теоретико-методологического мышления. Особенно важным является великое произведение К. Маркса «Капитал», отклоняющееся от мейнстрима и частично забытое, но его идеи не потеряли актуальность и в современный период.

Благодарность

Профессору Владимиру Степановичу Бочко, стимулировавшему меня к выполнению данной работы и высказавшему ценные замечания в процессе ее окончательного оформления.

Список источников

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23. — С. 907. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — 907 с.
2. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. — 770 с.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. I. Введение // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 46, ч. 1. — С. 17–48. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. — 559 с.
4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — 736 с.
5. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер. с англ. / научн. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. — М.: НП «Журнал „Вопросы экономики“», 2004 — 416 с.
6. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело Лтд, 1994. — С. 720.
7. История экономических учений: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. В. С. Автономова, О. И. Ананьина, Н. А. Макашевой. — М.: Инфра-М, 2009. — 784 с.
8. Гегель. Наука логики. Т. I. Объективная логика / [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. — Primedia E-launch LLC, 2017. — 540 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 3. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 650 с.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 1. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 698 с.
11. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. 5-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1969. — 782 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — Кн. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/index.php (дата обращения — 23.05.18.).
13. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. IV т. «Капитала». Ч. I // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 26. Ч. 1. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. — 476 с.
14. Дятел Е. П. Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса. — Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1987. — 224 с.
15. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 1. — М.: Гл. ред. социально-экономической литературы, 1970. — 471 с.
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К. Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 1–338. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 827 с.
17. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 3. — М.: Гл. ред. социально-экономической литературы, 1972 — 371 с.

18. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Зима '93 — с. 10–23.
19. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Соч. Т. 1. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 360 с.
20. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 369–399. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 670 с.
21. Yang X., Wai-Man L. Increasing Returns and Inframarginal Economics / Inframarginal Economics. — 2001. — Vol. 4. — 924 p.
22. Петренко Д. С. Инфрамаржинальный анализ института фирмы // Вестник УрФУ. — 2017. — Т.16. — № 2. — С. 174–190. — (Экономика и управление).
23. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетовой. — М.: Изд-во «Прогресс», 1975. — 288 с.
24. Курс экономической теории. Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики: учеб. пособие / Под ред. д. э. н., проф. А. В. Сидоровича; МГУ им. М. В. Ломоносова; 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Изд-во «Дело и сервис» — 832 с.
25. Ивлева Г. Ю. Рациональная эклектика как выражение кризиса экономической теории и способ выхода из него // Философия хозяйства. — 2003. — № 3 (24). — С. 99–108.
26. Ивлева Г. Ю. Современное состояние и перспективы развития методологии экономической науки. Методология экономических исследований. Основные подходы и проблемы: учеб. пособие. — М.: МАП при Правительстве г. Москвы, 2006. — 158 с.
27. Энгельс Ф. В. Боргиусу, 25 января 1894 г. — Маркс К. Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 39. — С. 174–177. — М.: Издательство политической литературы, 1966. — 713 с.
28. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: пер. с англ. / Под ред. В. С. Автономова; в 3-х т. Т. 1. — 552 с., Т. 2. — 504 с., Т. 3. — 688 с. — СПб.: Экономическая школа, 2001.

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры политической экономии, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62; e-mail: e.p.diatel1942@urfu.ru).

For citation: Dyatel E. P. (2018). Theoretical Foundation of Dialectics of Economic Development in Karl Marx's Capital. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(3), 711-724

E. P. Dyatel^{a, b)}

^{a)} Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: e.p.diatel1942@urfu.ru)

^{b)} Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation)

Theoretical Foundation of Dialectics of Economic Development in Karl Marx's Capital

The article deals with the logical and theoretical structure of K. Marx's «Capital». In the «Theories of Surplus Value», there is the ascent from the concrete to the abstract in the history of economic thought. This ascent allowed to define the goods as a starting point for the political economy of the capitalist mode of production. But there is no direct way to the economic theory of Marx, whose subject is not the products labour activity, but the material production relations arising during these activities. While researching the goods, Marx uses the «power of abstraction», which allows separating «economic matter» from the «naturally tangible» material basis: use value, concrete labour, etc. An integral system of economic categories is based on the synthesis of natural historical thinking phenomena discovered by Aristotle; Hegel's understanding of purposive activity; specific goals of social production, which are realized in property relations. K. Marx introduces into scientific knowledge the notion of economic progress as a change of social formations. He considers the significance of different models of the division of labour for determining the concept of value. In A. Smith's model, the value is determined a posteriori, after market evaluation of the products or services produced. A unit of measurement is not working time in itself, but economic information on the effectiveness of its use, i.e. money. In the model of K. Marx, the value is determined a priori, in the form of labour costs in the physiological sense. Given a choice, the labour expended receives a marginal evaluation in the form of alternative costs (loss of profits). The meaning of the «absolute, universal law of capitalist accumulation» is identified as a causa finalis, which determines the value of the commodity labour, variable capital, surplus value. I conclude that the development of the dialectics of the topic and the focus of an economic study allows using the method of rational eclecticism if the corresponding material is subject to a subsequent dialectical-materialistic interpretation.

Keywords: Marx, material production relations, the social aims of production, the topic and focus of economic research, economic progress, theoretical and methodological thinking

References

1. Marx, K. (1960). Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom I. Kn. 1.: Protsess proizvodstva kapitala [Capital. Critique of political economy. Volume one. Book 1: The process of capital production]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 23*, 907. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 907. (In Russ.)
2. Marx, K. (1959). K kritike politicheskoy ekonomii [To the Critique of Political Economy]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 13*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 770. (In Russ.)
3. Marx, K. (1968). Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov (pervonachalnyy variant “Kapitala”). CH. I. Vvedenie [Economic Manuscripts of 1857–1859 (the original version of «Capital»). Part one. Introduction]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 46. Pt. 1*, 17–48. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 559. (In Russ.)
4. Gobbs, T. (1991). Levafan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State]. *Sochineniya: v 2 t. [Collected works: In 2 volumes]. Vol. 2*. Moscow: Mysl Publ., 736. (In Russ.)
5. Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty obyasnayut: per. s angl. [Methodology of Economic Science, or How Economists Explain. Trans from English]*. In: V. S. Avtonomov (Ed.). Moscow: NP Zhurnal “Voprosy ekonomiki” Publ., 416. (In Russ.)
6. Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl v retrospektive [Economic Theory in Retrospect]*. Moscow: Delo Ltd Publ., 720. (In Russ.)
7. Avtonomov, V. S., Ananyin, O. I. & Makashevoy, N. A. (Eds.). (2009). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [History of economic doctrines: textbook for university students]*. Moscow: Infra-M Publ., 784. (In Russ.)
8. Hegel, G. W. F. (2017). *Nauka logiki. T. I. Obektivnaya logika [Science of Logic. Volume I. Objective logic]*. Trans. from German by B. G. Stolpner. Primedia E-launch LLC, 540. (In Russ.)
9. Marx, K. & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 3*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 650. (In Russ.)
10. Marx, K. (1955). K kritike gegelevskoy filosofii prava [Critique of Hegel's Philosophy of Right]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 1*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 698. (In Russ.)
11. Lenin, V. I. (1969). Filosofskie tetradi [Philosophical notebooks]. *Poln. Sobr. Soch. 5-e izd. [Full Collected Works. 5 ed.]*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 782. (In Russ.)
12. Smith, A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Kn. 1 [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. B. 1]*. Retrieved from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/index.php (date of access: 23.05.18.). (In Russ.)
13. Marx, K. (1962). Teorii pribavochnoy stoimosti. IV t. “Kapitala”. Ch. 1 [Theories of Surplus Value (IV volume of «Capital») Part 1]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 1*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 476. (In Russ.)
14. Dyatel, E. P. (1987). *Sistemnyy analiz obekta i predmeta v “Kapitale” K. Marksa [System analysis of the object and the subject in K. Marx's Capital]*. Irkutsk: Irkut. Un-t Publ., 224. (In Russ.)
15. Hegel, G. W. F. (1970). *Nauka logiki. V 3-kh t. T. 1 [The science of logic. In three volumes. Volume 1]*. Moscow: Gl. red. sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 471. (In Russ.)
16. Engels, F. (1961). Anti-Dyuring [Herr Eugen Dühring's Revolution in Science]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 20*, 1–338. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 827. (In Russ.)
17. Hegel, G. W. F. (1972). *Nauka logiki. V 3-kh t. T. 3 [Science of Logic. In three volumes. Volume 3]*. Moscow: Gl. red. sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 371. (In Russ.)
18. Robbins, L. Predmet ekonomicheskoy nauki [Subject of economic science]. Thesis. *Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i sistem. Zima '93 [Thesis. Theory and history of economic and social institutions and systems. Winter '93]*, 10–23. (In Russ.)
19. Rikardo, D. (1955). Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [On the Principles of Political Economy and Taxation]. *Soch. T. 1 [Collected Works Vol. 1]*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 360. (In Russ.)
20. Marx, K. (1961). Zamechaniya na knigu A. Vagnera “Uchebnik politicheskoy ekonomii” [Wagner's book «Textbook of Political Economy»]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch. [Collected works]. 2nd ed. Vol. 19*, 369–399. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 670. (In Russ.)
21. Yang, X. & Wai-Man, L. (2001). Increasing Returns and Inframarginal Economics. *Inframarginal Economics*, 4, 924.
22. Petrenko, D. S. (2017). Inframarginalnyy analiz instituta firmy [Inframarginal analysis of institute of firm]. *Vestnik UrFU [Bulletin of Ural Federal University]*, 16(2), 174–190. (Series Economics and Management). (In Russ.)
23. Kuhn, T. (1975). *Struktura nauchnykh revolyutsiy [Structure of Scientific Revolutions]*. Trans. from English by I. Z. Naletova. Moscow: Progress Publ., 288. (In Russ.)

24. Sidorovich, A. V. (Ed.) *Kurs ekonomicheskoy teorii. Obshchie osnovy ekonomicheskoy teorii. Mikroekonomika. Makroekonomika. Osnovy natsionalnoy ekonomiki: ucheb. posobie* [The course of economic theory. General foundations of economic theory. Microeconomics. Macroeconomics. Fundamentals of National Economy: Textbook]. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: Delo i servis Publ., 832. (In Russ.)
25. Ivleva, G. Yu. (2003). Ratsionalnaya eklektika kak vyrazhenie krizisa ekonomicheskoy teorii i sposob vykhoda iz nego [Rational eclecticism as an expression of the crisis of economic theory and the way out of it]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of economy], 3(24), 99–108. (In Russ.)
26. Ivleva, G. Yu. (2006). Sovremennoye sostoyanie i perspektivy razvitiya metodologii ekonomicheskoy nauki [The current state and prospects for the development of the methodology of economic science]. *Metodologiya ekonomicheskikh issledovaniy: osnovnye podkhody i problemy: ucheb. posobie* [Methodology of economic research: basic approaches and problems: Textbook]. Moscow: MAP pri Pravitelstve g. Moskvyy Publ., 158. (In Russ.)
27. Engels, F. V. (1966). Borgiusu, 25 yanvarya 1894 g. [Borgius, January 25, 1894]. In Marx, K. & Engels, F. *Soch.* [Collected works]. 2nd ed. Vol. 39, 174–177. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 713. (In Russ.)
28. Schumpeter, Y. A. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza: per. s angl.* [History of economic analysis: trans. from English]. In: V. S. Avtonomov (Ed.). In 3 vol. Vol. 1, 552; Vol. 2, 504; Vol. 3, 688. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ. (In Russ.)

Author

Evgeny Petrovitch Dyatel — Doctor of Economics, Head of the Department of Economic Theory and Economic Policy, Ural Federal University; Professor, Political Economy Department, Ural State University of Economics (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002; 62, 8 March St., 620219, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: e.p.diatel1942@urfu.ru).